

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

LINGUA GOTICA

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 3

**Москва
2017**

УДК 801.3
ББК 81.2
Л 88

Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания РАН

Рецензенты

д-р филол. наук, профессор М.Я. Блох (Московский педагогический
государственный университет)
канд. филол. наук, профессор Н.И.Рахманова (Московский государствен-
ный лингвистический университет)

Редакционная коллегия

д-р филол. наук Е.Б. Яковенко (отв. редактор)
д-р филол. наук А.Л. Зеленецкий
д-р филол. наук К.Г.Красухин
канд. филол.наук Н.С. Бабенко

Л 88 **LINGUA GOTICA: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Вып. 3 /
отв. ред. Е.Б. Яковенко. – Москва: БукиВеди, 2017. – 286 с.
ISBN 978-5-4465-0847-1

Сборник содержит статьи, посвященные различным аспектам изучения фонологической и лексической систем и грамматического строя готского языка, а также типологические сопоставления готского с другими языками как германского, так и других ареалов. Сборник предназначен для лингвистов-теоретиков, германистов, историков языка, аспирантов и магистрантов.

ISBN 978-5-4465-0847-1

**УДК 801.3
ББК 81.2**

© Институт языкознания РАН, 2017
© Авторы статей, 2017

Artemij Keidan

Sapienza Università di Roma

ГОТСКИЙ ЯЗЫК И ГОТИЦИЗМ – ИДЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЯ, ТИПОГРАФИКА

The paper presents the history of the discovery of *Codex Argenteus*, the largest and most famous extant Gothic manuscript, found in the abbey of Werden in the mid-16th century. The first quotations and excerpts are surveyed, up to the *editio princeps* in 1665. The ideology of its early reception is then taken into consideration: *Codex Argenteus* played a central role in the Gothicism debate, i.e. the postulation of a special link of one's own mother tongue, culture and ethnicity with Gothic heritage. Three aspects are chosen to exemplify the Gothicism attitude: the idea of the Gothic Bible as a historical precedent of the Reformist translations of the Sacred Scriptures into vernacular languages; the myth of linguistic similarity between Gothic and Low German dialects (the lack of the *zweite Lautverschiebung* is suggested to be the main reason); the semiotic significance of typography in the first printed renderings of the Gothic texts (an explanation for Vulcanius' mention of "Belgian letters" is proposed).

1. Готский язык и готицизм

1.1. Исторический контекст

Эпоха, которую довольно условно можно ограничить Реформацией и Вестфальским мирным договором, была периодом исторических перемен, определивших процесс становления европейских культурных наций Нового Времени. Именно в это время начинает формироваться национальное самосознание германских народов, фактически существующее по сей день. Этот процесс зарождался как своего рода бунт германского Севера против политической, религиозной, культурной и языковой гегемонии романского Юга вообще и латинского языка, в частности.

Сопутствовавшее этому культурное строительство ставило своей це-

люю доказать право германцев на собственную древнюю историю и традиции, отличные от истории и традиций древнего Рима, на собственный народный язык, отличный от латыни и т. п. С этой целью издаются, перепечатаются и перечитываются античные и позднеантичные изложения истории древних германцев: обнаруживается и издается *Germania* Тацита (1470 г.), *Getica* Иордана (впервые издана по названию *De rebus gothorum* в 1515 г.), *Historia Gothorum* Исидора Севильского (издана в 1580 г.), а также пишутся заново всевозможные «Истории» и «Хроники» городов того времени «от сотворения мира и до наших дней», например, знаменитые *Origines Antwerpianae* Иоганна Горопиуса Бекануса (1569 г.). Много усилий прилагается для того, чтобы доказать древность происхождения германских народностей, а заодно и их языков, традиций и мифологии. Германским племенам приписывается «благородное» этническое родство: историю франков, саксонцев, фризов возводят к древним грекам, а также к полуполюгендарным скифам, фригийцам, сарматам, троянцам и пр. (см. [Dekker 1999, 25–29]). Естественно, что рассуждения о происхождении германских языков, их сходствах и различиях, как между собой, так и по отношению к латыни и другим древним языкам, открывали просторы для такого мифотворчества. Например, бурно дебатировался вопрос, какой язык следует считать наиболее древним, то есть языком Адама: либо таковым признавался древнееврейский, и тогда германские языки возводились к нему, либо эта роль отводилась непосредственно какому-нибудь германскому наречию (так, Беканус отдавал предпочтение родному антверпенскому диалекту, см. [Brough 1985, 65; Dekker 1999, § 7.2]).¹ По этой же причине зарождается лексикография и, что важно, начинают составляться первые грамматики национальных языков, сначала по модели латинской, а затем и в противопоставление ей. Так, английская грамматика Джона Уоллиса (*Grammatica linguae Anglicanae*, 1653), хоть и была написана по-латински, ставила своей целью доказать, что английский язык полностью самобытен и не может быть описан в категориях, присущих латыни, а также отличается от последней целым рядом особенностей. Важнейшими из отличительных черт английского языка Уоллис считал аналитический строй – использование вспомогательных глаголов вместо синтетических форм латинского глагола, а также фоносимволизм, якобы отличающий английский язык от всех остальных.²

Именно в этом культурно-политическом контексте неожиданно обнаруживается главная из известных сегодня рукописей на готском языке – так

¹ Можно также упомянуть датчанина Андреаса Кемпе, утверждавшего, что в Раю земном Бог говорил по-шведски, Адам по-датски, а змей-искуситель по-французски: пародией это было лишь отчасти, см. [Elert 1978].

² От издания к изданию Уоллис расширял главу о фоносимволизме, и в последнем издании грамматики (1699) описание этого предполагаемого преимущества английского языка занимает уже более 30% всей книги, см. [Cram, в печати].

называемый *Codex Argenteus* (CA), который сразу начинает выполнять важную знаковую функцию. Если до того времени сведения о самих готах, об «апостоле готов» епископе Вульфиле и тем более о готском языке были весьма скудны и неточны, с открытием CA немецкие, голландские, шведские и др. гуманисты впервые получили возможность лицезреть подлинный письменный памятник на готском языке.³

1.2. Готицизм

Трудно переоценить важность этой находки: для германских ученых готы были главным козырем в их культурном строительстве. Это был по-настоящему древний германский этнос, упоминавшийся античными историками, успешно противостоявший Римской Империи и так и не покоренный ею. Именно к готам было очень удобно и «престижно» возводить этнические «родословные» юных германских национальных государств. Именно в эту эпоху появляется так называемый *готицизм* – идеологическое присвоение идеализированного готского прошлого в политических целях.⁴

Основной идеологической мишенью готицизма было римское католичество, а заодно и Древний Рим. Чувствуется тут и реакция на то пренебрежение, с которым итальянские гуманисты воспринимали «готскую идею»: они, причем довольно необоснованно, считали готов дикими варварами [Neville 2009, 218] и основными виновниками падения Римской Империи – и, следовательно, античной культуры, бывшей идеалом Ренессанса. Термин «готика» применительно к архитектуре, живописи и письму появился именно в этом контексте и изначально был уничижительным. Так, Вазари считал, что готика (которую он не совсем оправданно считал немецким стилем) нанесла такой же вред античной архитектуре, как и варварские нашествия, а его современник Дж. Триссино посвятил эпическую поэму истории «освобождения» Италии от готов (*La Italia liberata da Gotthi*, 1547).

Со временем готицизм стал использоваться и в более узком национальном контексте. Императору Карлу V Габсбургу приписывается фраза *et nos de*

³ После падения остготского королевства Италии (526 г.) и вестготского королевства в Испании (720 г.) готы были фактически вычеркнуты из официальной истории из-за своей «еретической» арианской веры. Но и позже VIII века имеются косвенные свидетельства, которые позволяют думать, что какие-то потомки готов продолжали использовать готский как минимум для богослужения. Так, о литургии на готском в отдельных церквях в низовьях Дуная говорит Валафрид Страбон (около 840 г.); писать по-готски специально запрещается Леонским синодом в 1091 г., о чем сообщает историк XIII века Родриго Хименес, см. [Wiener 1915, xxxvii]; готский алфавит и примеры фраз приводятся в так называемой «рукописи Алкуина» (*Codex Vindobonensis* 795, VIII–IX век, см. [Falluomini 2010]).

⁴ Об истории идеи готицизма в культуре, языке и архитектуре германских народов см. [Svennung 1967; Brough 1985; Neville 2009], а также краткое изложение в вводной части [Wolfram 1990].

gente Gothorum sumus ‘и мы из готов’, см. [Neville 2009, 231]. На Базельском Соборе (1431–1449) представители Кастилии и Швеции поспорили о том, кто из них имеет большее право считаться наследниками готов. И хоть шведская сторона и не одержала победы, именно с этого момента отсылка к готам входит в стандартное титулование шведских королей и начинается история шведского готицизма, расцвет которого пришелся уже на следующие столетия, см. [Neville 2009, 217].

1.3. *Codex Argenteus* и другие готские письменные памятники

СА – основной письменный памятник готского языка. Он содержит почти полное Четвероевангелие и написан серебряными и золотыми чернилами на пурпурном пергамене (откуда его латинское название – «Серебряный кодекс»). Сохранились лишь 188 листов, притом что изначально, по подсчетам [von Friesen и Grape 1928, 12], их должно было быть как минимум 336. Один лист был неожиданно обнаружен в 1970 году в реликварии собора города Шпайер (одного из важнейших городов Священной Римской Империи начиная с эпохи родившегося там императора Конрада II). СА предназначался для литургических евангельских чтений – он делится не на главы и стихи, а на так называемые *laiktjons* ‘чтения’. Происхождение СА можно реконструировать лишь гипотетически. Судя по высокому качеству рукописи, можно предположить, что он был изготовлен в придворном остготском скриптории в Равенне – столице готского королевства Италии, скорее всего, по заказу самого Теодориха Великого. Очень вероятно, что СА относится к той же семье манускриптов, что и *Codex Brixianus*, содержащий латинское Евангелие в «старолатинской» версии (*Latina Vetus*) и выполненный в похожей технике: те же серебряные чернила на пурпурном пергамене и те же орнаментальные арки на полях. Латинский унциал кодекса из Брешии по стилю весьма близок готскому алфавиту СА. Совпадает и последовательность Евангелий: Матфей, Иоанн, Лука, Марк.⁵ Наиболее убедительными представляются текстологические аргументы: так, в обоих кодексах конец стиха Лк. 24:49 приведен в варианте, отличающемся от прочих изводов как Вульгаты, так и Старолатинской версии, но совпадающем с византийскими рукописями, см. об этом [Falluomini 2015, 17]. О судьбе СА в течение тысячелетия, отделяющего момент его написания от момента его обретения, можно строить лишь догадки. Непонятно как СА попал в Верденское аббатство, а также в какой момент от него был отделен лист, позже найденный в Шпайере.⁶ Распространено мнение, что он был вывезен из Италии в 795 г. св. Людгером, учеником Алкуина и основателем Вер-

⁵ Соотнесение СА с кодексом из Брешии было подвергнуто резкой критике в [Wiener 1915, xi], но на сегодняшний день является общепринятым.

⁶ Основные гипотезы изложены в [Munkhammar 2010, 10–12]; еще одно предположение высказано в [Staats 2011].

денского аббатства, см. [von Friesen и Grape 1928, 122 и сл.].

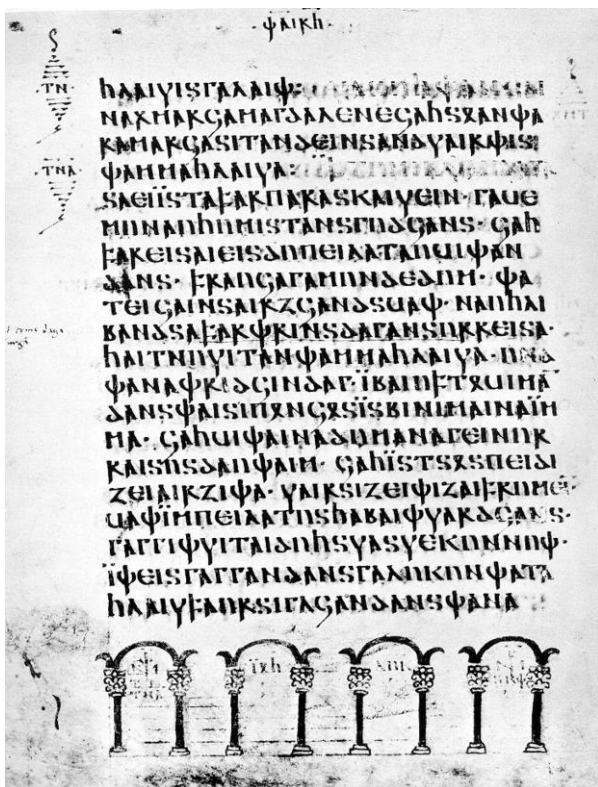

Фото 1. *Codex Argenteus*, лист 15v (негатив). Евангелие от Матфея 27:60–66

Кроме *CA*, сохранилось незначительное количество других готских рукописей, которые содержат фрагменты Нового Завета (Послания апостолов) и короткие отрывки из Ветхого Завета. Кроме того, известен текст комментария к Ев. от Иоанна, по традиции называемый *Skeireins*, т.е. ‘Толкование’, а также несколько фраз недуховного содержания из разных источников. Краткое описание рукописей дается в [Falluomini 2015, § 2.1]. Время от времени обнаруживаются новые манускрипты. Так, совсем недавно был найден и опубликован Болонский кодекс, см. [Falluomini 2014].

2. Обретение и публикация СА

2.1. Ранние свидетельства

История открытия СА весьма сложна и заслуживает краткого описания, особенно ввиду недавнего появления новых и довольно неожиданных данных на этот счет.⁷ СА был обнаружен в библиотеке Верденского аббатства, близ города Эссен. Принято считать, что впервые СА упоминается в 1554 г. в переписке немецких гуманистов, которые ссылаются на фламандцев Георга Кассандера и Корнелиуса Воутерса как на первооткрывателей готской рукописи из Верденского монастыря, см. [Schulte 1879a, § 7].⁸ Уже год спустя готский язык описывается в качестве одного из германских в языковой компиляции *Mithridates* швейцарца Конрада Геснера, правда, без прямых цитат.⁹ Исследования последних лет показывают, что во второй половине XVI в. слава СА быстро распространялась среди гуманистов и любителей древностей, выписки из него ходили по рукам, публиковались и описывались в частной переписке. Сам манускрипт менял владельцев и местонахождение чаще, чем принято было до сих пор думать.

Какое-то время СА пробыл в личной библиотеке графа Германа фон Нейенара (мецената Кассандера). Об этом существуют косвенные свидетельства. Сибранд Любберт, фризский теолог, в своем богословском трактате 1591 г. пересказывает слова просвещенного аристократа Филипа ван Марникса о некоем манускрипте из собрания графа фон Нейенара, написанном серебряными и золотыми чернилами на бумаге (!) и содержащем весь (!) Новый Завет на *lingua antiqua Frisonum* ‘древнефризском языке’ (!). Любберт воспроизводит выписанные отсюда еще ван Марниксом начальные слова молитвы «Отче наш», в которых без труда узнается искаженный готский. За этим не очень точным описанием несомненно стоит СА. Еще одно косвенное свидетельство принадлежности готской рукописи графу фон Нейенару оставил историк Стефан Брельманн в хронике города Кельна, в которой он приводит также стих Лк. 1:50 из СА, но выражает мнение, что это не готский, а *Francicus*, т.е., по-видимому, ‘франконский’, см. [Heuser 2005].

⁷ Традиционный пересказ событий можно почерпнуть в [Scardigli 1964, 315 и сл.; Falluomini 2015, 37 и сл.]; новые факты и исторические реконструкции сообщаются в [Diemer 2010; Heuser 2005; Staats 2011], ср. резюмированное изложение в [Munkhammar 2010, 25–26].

⁸ См., однако, [Staats 2011], где делается предположение, что изначально СА хранился в Хельмштедте, откуда был переправлен, наряду с другими «драгоценными старинными рукописями» в Верден в 1547 г. из-за обострения военных действий.

⁹ *Mithridates* Геснера сообщал исторические, этнографические и географические данные, а также делал попытку генеалогической классификации известных на тот момент языков (количеством около 130). Одноименные издания продолжали публиковаться другими авторами по мере продвижения познаний о языках вплоть до начала XIX века.

Atta 𐌲𐌺 far thu in himmina, 𐌿i thuai namo thein, 𐌸intai thi-
dinassus theins. Werthe wilga theins, sue in himmina gaḥ ana
arte. Li laef 𐌲𐌺 farana thana senteinan giḥ 𐌲𐌺ff himmadaga.
Gaḥ aflet 𐌲𐌺s thatei sculanffigamma sua sue gaḥ 𐌿eis afletan
thaim skulan 𐌲𐌺sarew, gaḥ ni briggēs 𐌲𐌺s in fraestub. & lausei
𐌲𐌺s af thamma 𐌿blin, 𐌸nte thein ist thindangardi, gaḥ mach,
gaḥ wulthus, in aenins. Amen. Facile hīc est mox in ipso limine

Фото 2. Молитва «Отче наш» по-готски в воспроизведении Бекануса (1569).

Обнаружено также письмо 1560 г. баварца Иоганна Вильгельма фон Лаубенберга баварскому курфюрсту герцогу Альбрехту V, известному меценату и собирателю древностей, с предложением приобрести коллекцию драгоценных предметов, включавшую некую «серебряную книгу». Однако, Альбрехт, по-видимому, отказался от сделки; см. об этом [Diemer 2010].

Кроме того, есть основания считать, что в середине XVI века СА попал в знаменитую Палатинскую библиотеку в Гейдельберге (Пфальц). Фон Лаубенберг говорит в своем письме, что одалживал свою «серебряную книгу» пфальцскому графу Отто Генриху. В переписке французского историка Жозефа Жюста Скалигера упоминается некий готский Новый Завет, якобы виденный кем-то лично в Гейдельберге. По мнению современных исследователей это не было ничто иное, как все тот же СА, см. [de Jonge 1977]. Современники, однако, были уверены, что это мог быть какой-то другой манускрипт. По просьбе Скалигера библиотекарь Палатинской библиотеки Грутерус искал предполагаемую готскую рукопись, но ничего не обнаружил (сам СА на тот момент уже не мог находиться в этой библиотеке).

2.2. От публикации отрывков к первому изданию

Первая публикация текста на готском появляется в *Origines Antwerpianae* Бекануса (1569), где на с. 740 воспроизводятся «Отче наш» и фрагменты из Евангелия от Марка в довольно неточной транслитерации. Ошибки Бекануса порой весьма любопытны, особенно в его суждениях о готской морфологии и проводимых им этимологических параллелях с другими германскими языками. Так, на с. 749 слово *hlaif* ‘хлеб’ (вин. п.) он сегментирует на *li* и *laef*, ошибочно прочитывая как диграф начальную букву **h** (см. фото 2, начало третьей строки), причем интерпретирует этот диграф как артикль. Причиной такой

сегментации был, по-видимому, тот факт, что в западногерманских коррелятах – англ. *loaf*, нем. *Laib* ‘буханка’ – начальный фрикатив корня был утерян, что сильно затрудняло установление этимологии.¹⁰ Неожиданное созвучие с итальянским определенным артиклем *il* Беканус объясняет влиянием остготского языка времен Теодориха на итальянский. Кроме того, Беканус путает похожие друг на друга готские буквы **N** /n/, **U** /k^w/ и **Π** /u/, передавая их без разбора то как <n>, то как <u>; буквы **G** /j/ и **Г** /g/ он также систематически передает латинской <g>, чему могла способствовать не только графическая схожесть, но и, возможно, особенности голландской фонологии того времени, в которой [j], [γ] и [χ] были, скорее всего, не отдельными фонемами, а лишь позиционными вариантами одной фонемы и не различались регулярно на уровне орфографии, ср. [Donaldson 1983, 153].

Параллельно с книгой Бекануса готский «Отче наш» появляется в рукописи швейцарской хроники *Gallia comata*, которую закончил в 1572 г. историк Эгидий Чуди (опубликована лишь в XVIII в.).

В 1593 г. выходит компиляция *Specimen quadraginta ... linguarum et dialectorum* (содержавшая «Отче наш» на сорока языках) под редакцией немецкого гуманиста Иеронима Мегисера, включавшая и готский текст Бекануса (причем без так называемой доксологии, см. ниже § 4.1).

Первое исследование, целиком посвященное готскому языку, принадлежит голландскому филологу Бонавентуре Вулканиусу.¹¹ Оно было опубликовано в Лейдене в 1597 г. под названием *De literis et lingua Getarum sive Gothorum*. Он же вводит в обиход название *Codex argenteus* и связывает текст СА с именем готского епископа Вульфилы (311–383). Не ясно, видел ли Вулканиус саму рукопись: по точности воспроизведения графической формы готских букв некоторые исследователи заключают, что это скорее всего так. Сам Вулканиус ссылается на данные, добытые Антуаном Морильоном, а также на справку некоего анонимного «ученого мужа».¹²

De literis Вулканиуса принадлежит к жанру языковых компиляций, очень распространенных в то время. Кроме готского, он уделяет внимание рунам, тироновым нотам, баскскому, цыганскому и еще нескольким экзотическим языкам. В послесловии (с. 97) он специально ссылается на компиляцию Мегисера (1593) как на свой образец. Однако от других подобных изданий книга Вулканиуса отличается особым накалом антилатинской полемики. Так, он утверждает: *Latini qui caeteros prae se barbaros iactant, barbarissimi sunt* ‘латиняне, которые всех других с презрением называют варварами, сами суть варвары в высшей степени’.

¹⁰ Сам Беканус отмечает, что нижненемецкий коррелят *laef* соответствует латинскому *refocillatio* ‘пропитание’.

¹¹ Форма *Vulcanius* является латинизацией голландской фамилии *de Smet*, буквально ‘кузнец’, по аналогии с древнеримским божеством-покровителем кузнечного дела.

¹² По реконструкции [Schulte 1880] это был Корнелиус Воутерс.

1 ΑΤΤΑ² ΥΝΣΑΚ³ ΨΥ⁴ ΙΝ⁵ ΗΙΜΙΝΑ, ΥΕΙ=
 ΗΝΑΙ⁷ ΝΑΜΕ⁸ ΨΕΙΝ,⁹ ΟΙΜΛΙ¹⁰ ΨΙΝΘΙΝ-
 ΙΣΣΥΝ¹¹ ΨΕΙΝΣ,¹² ΣΥΕ¹³ ΙΝ¹⁴ ΗΙΜΙΝΑ¹⁵ ΓΛΗ
 16 ΑΝΑ¹⁷ ΑΙΚΨΑΙ,¹⁸ ΟΛΛΑΙ¹⁹ ΝΝΣΑΚΑΝΑ²⁰ ΨΑΝΑ
 21 ΣΙΝΤΕΙΝΑ²² ΓΙ²³ ΝΝΣ²⁴ ΟΙΜΜΑΔΔΑΓΑ²⁵ ΓΛΗ
 26 ΑΛΕΤ²⁷ ΝΝΣ²⁸ ΨΑΤΕΙ²⁹ ΣΚΠΛΑΝΣΣΙ ΓΑΙΜΑ,
 30 ΣΥΛΣΥΕ³¹ ΓΛΗ³² ΥΕΙΣ³³ ΑΛΕΤΑΜ³⁴ ΨΑΙ³⁵ ΣΚ=
 ΝΑΛΑΜ³⁶ ΝΝΣΑΚΑΙΜ,³⁷ ΓΛΗ³⁸ ΝΙ³⁹ ΕΚΙΓΓΑΙΣ
 40 ΝΝΣ⁴¹ ΙΝ⁴² ΕΚΑΙΣΤΩΚΑΙΝΑΙ,⁴³ ΑΚ⁴⁴ ΑΛΜΣΕΙ
 45 ΝΝΣ⁴⁶ Α⁴⁷ ΨΑΜΜΑ⁴⁸ ΜΒΙΛΙΝ,⁴⁹ ΜΝΤΕ⁵⁰ ΨΕ=
 ΙΝ⁵¹ ΙΣΤ⁵² ΨΙΝΘΑΝΑΚΔΙ⁵³ ΓΛΗ⁵⁴ ΜΑΤΗΣ
 55 ΓΛΗ⁵⁶ ΥΙΛΨΥΣ⁵⁷ ΙΝ⁵⁸ ΑΙΥΙΝΣ, ΑΙΜΕΝ.

³ Vater² vnser¹ der du⁴ im⁵ himmel, ⁶ geheiligt
verder² dein⁷ name, ⁸ komme¹ dein⁹ reich,
¹² wie¹³ im¹⁴ himmel ¹⁵ so auch¹⁶ auf¹⁷ erden,
¹⁹ vnser^{20,21} teglich²² brot²³ gib²⁴ vns²⁵ heud
am tage ²⁶ vnd²⁷ aflait¹. ve² laß³ vns⁴ die⁵
schulden vnser. compota dictio est ex S K N A
et UNSIGIMIZ, i. debita nostra ¹⁶ soo wie²¹
auch¹ unbr² ³ aflait¹. i. vergeben ³⁵ den³⁶ schul.
dern ³⁶ vnser³⁷. ³⁷ Auch³⁸ n³⁹ bringe⁴⁰ vns⁴¹
⁴² in⁴³ ver⁴⁴suchunge) in dictione hac vocalis A
suo more deest FKISTUBENGA pyro
FKISTUBINGA I, ⁴⁵ aber⁴⁶ luefe⁴⁷
vns⁴⁸ ⁴⁹ von⁵⁰ dem⁵¹ ubell. ⁵² Denn⁵³ dein⁵⁴ ist⁵⁵
daß reich, ⁵⁶ vnd⁵⁷ mach⁵⁸, ⁵⁹ vnd⁶⁰ heerluecht⁶¹
in⁶² eruechein. Amen.

Фото 4. «Отче наш» на готском в воспроизведении Грутеруса (1602, с. CXLVIII)

В 1602 г. появляется еще одна публикация отрывков из готского Нового Завета. Ян Грутерус, упоминавшийся выше гейдельбергский библиотекарь, включает их в свое монументальное собрание древнеримских надписей. Грутерус ссылается на записи, предоставленные Михелем Меркатором, сыном известного картографа Арнольда Меркатора, который имел возможность сделать выписки непосредственно из СА в Верденском аббатстве в конце 1570-х годов.¹⁴ Таким образом, готские тексты Грутеруса – это довольно ненадежный источник, с большим количеством неточностей и путаницей в идентификации готских букв. Например, в молитве «Отче наш» полностью пропущена фраза *wairpai wilja þeins* ‘да будет воля твоя’, причем нумерация слов в готском тексте не прерывается, а сам пропуск никак не комментируется в немецком переводе (см. фото 4), в то время как некоторые другие особенности текста издатель снабжает довольно подробными пояснениями. Сверить свой текст с изданием Вулканиуса Грутерус, по его собственному признанию, не смог.

И, наконец, в 1603 г. выходит второе издание компиляции евангельских отрывков Мегисера, уже на пятидесяти языках, среди которых представлен «Отче наш» Бекануса (с сохранением ошибочных прочтений), а также несколько отрывков из готского Нового Завета, почерпнутых уже из Вулканиуса, см. [Maßmann 1841, 310].

В самом начале XVII в. СА попадает в библиотеку императора Рудольфа

¹⁴ Если следовать реконструкции, предложенной в [Diemer 2010, 19], Арнольд Меркатор унаследовал записи своего знаменитого отца Герарда Меркатора. Заметим, что [Schulte 1879b, 336] приходит к выводу, что Арнольд Меркатор не мог быть автором выписок из *CA*.

II в Праге. Возможно, Рихард Штрейн, личный библиотекарь императора, купил манускрипт у того самого фон Лаубенберга, который пытался продать *СА* баварскому герцогу. В 1648 г. *СА* конфискуется шведскими войсками в качестве военного трофея и попадает в библиотеку королевы Кристины. После ее отречения от престола манускрипт достается бывшему королевскому библиотекарю Исааку Воссу, который увозит его в Голландию и доверяет своему родственнику, известному филологу Франциску Юнию младшему. Тот готовит к печати первое полное издание *СА* в 1665 г.;¹⁵ его же перу принадлежит первый готский словарь, а также нескольких филологических и этимологических исследований о готском языке, сохранившихся в виде неопубликованных заметок. Уже в 1669 г. Восс продает манускрипт шведскому канцлеру Магнусу Делагарди, который помещает его в серебряный оклад и отдает в дар университетской библиотеке Упсалы, где *СА* хранится по сей день.

2.3. Текстология свидетельств

Весьма интересен вопрос происхождения сведений о правилах чтения готского алфавита, которые прямо или имплицитно приводят Беканус, Вулканиус, Грутерус, Мегисер и другие авторы. Если исходить из слов самих авторов, источники были разные, отчасти анонимные. Но, с другой стороны, уже давно подмечено, что все три автора цитируют фактически одни и те же евангельские отрывки и дают очень похожие описания готских букв, пишут одинаковыми фразами, с одинаковыми неточностями и интерпретационными ошибками. Эти дословные совпадения, равно как и имеющиеся расхождения, позволяют рассматривать данные свидетельства с точки зрения текстологии. Кроме печатных свидетельств, привлекается и рукописный список готских отрывков и алфавита, по-видимому, сделанный Воутерсом, который был обнаружен в архиве Вулканиуса. Сопоставительные таблицы данных из этих источников даны в [Maßmann 1841, 324–328]; см. также критические замечания в [Schulte 1880].

Некоторые нетривиальные совпадения говорят о том, что текстологическое родство между разными публикациями сложнее, чем кажется на первый взгляд, и что имело хождение какое-то количество рукописных заметок с отрывками из *СА* и чьими-то палеографическими комментариями. Например, Грутерус, подобно Вулканиусу (и при этом не будучи знакомым с его книгой), выделяет несуществующую букву ⟨Н⟩, которую он называет *e longa* ‘е долгая’. Случайное повторение такой ошибки крайне маловероятно, из чего можно заключить, что оба автора почерпнули данные независимо из одного и того же источника. Кроме того, Грутерус приводит несколько евангельских стихов, которых нет ни у Вулканиуса, ни у Бекануса.

¹⁵ О последующих изданиях *СА* см. [Munkhammar 2010; Jańczuk 2015; Falluomini 2015, 50].

Вулканиус воспроизводит готские буквы гораздо точнее, чем Грутерус. Не исключено, что Вулканиус имел возможность ознакомиться с СА дома у ван Марникса, у которого он служил секретарем (а впоследствии состоял в переписке, см. [Dekker 2010, 423]). Однако некоторые палеографические замечания Бекануса также наводят на мысль, что он мог видеть СА лично. Так, например, он выражает сомнение (с. 750) в правильности своего прочтения слова [in] *himinam* '[на] небесах'. Беканус воспроизводит это слово как *himmina*, но допускает и вариант *hinnina*. Варианты *m/n* можно объяснить лишь исходя из схожести этих букв в готском унциале: **M** и **N**, см. [Maßmann 1841, 309].

Сравнительный текстологический анализ молитвы «Отче наш» из СА, книги Бекануса (со всеми вариантами во внутренних повторах), трактата Вулканиуса, а также из рукописи Чуди приводится в [Sonderegger 2014]. Эгидию Чуди готские данные сообщил в 1560 г. Геснер, который так и не успел выпустить второе издание своей языковой энциклопедии, где он собирался привести текст «Отче наш» по-готски. Таким образом, источником Чуди была не книга Бекануса, которая еще не была опубликована во время его работы над хроникой, а записи Кассандера, присланные по просьбе Геснера.

Особого внимания заслуживает известный полиглот и филолог Жозеф Жюст Скалигер, который был знатоком готских древностей (так, он автор монографии о готских королях, 1606 г.), и занимался активными поисками готских рукописей. В архиве Скалигера можно найти образцы готского алфавита и выписки из СА, см. [de Jonge 1977]. Скалигер написал сонет, которым открывается *De literis*, а также снабдил Вулканиуса частью языкового материала, о чем сообщает сам автор – см. об этом [Hal 2010, 398].

3. Крымская Готия

Дебаты о готском наследии получили сильнейшую подпитку, когда выяснилось, что какое-то население, говорившее на готском языке, все еще проживало в Крыму. В Средние века о крымских готах имелись лишь весьма туманные представления. Не считая довольно мифологизированных и неточных указаний западных и византийских историков, основным свидетельством о крымских готах были всевозможные путевые заметки, оставленные проезжими миссионерами, послами и купцами [см. Vasiliev 1936; Ганина 2011]. Наиболее цитируемым следует признать сообщение бенедиктинского монаха Гильома де Рубрука, посетившего Крым в середине XIII в. В эпоху Ренессанса стали появляться сообщения европейских купцов, путешествовавших по торговым путям Османской империи, причерноморских степей и, в частности, Крыма. Из них большой интерес представляет свидетельство венецианца Джозафата Барбаро (1436–1437), который утверждает, что на территории Крыма расположена Готия, обитатели которой говорят на «немецком» языке.

В доказательство он приводит тот факт, что его слуга-немец мог изъясняться с готами на том же уровне, на котором понимали бы друг друга фриуланец и флорентиец.

Такая точная оценка языковой дистанции кажется, на первый взгляд, заслуживающей уважения (ср. [Ганина 2011, 79]), но на самом деле не очень ясно, как она должна трактоваться: как сильное различие, или, наоборот, как близость. А.А.Васильев сомневается в ценности этого свидетельства и предполагает, что это могли быть не готы, а переселенцы из какой-нибудь немецкоязычной страны – «newcomers from Western Europe» [Vasiliev 1936, 220]. По-видимому, Васильева ввела в заблуждение неточность в прочтении итальянского текста Барбаро. Интересующий нас отрывок он переводит так: «they understood one another well enough, as we understand a Furlane [of the city of Forlì] and a Florentine».¹⁶ Во-первых, *furlan* – это не житель г. Форли (центральная Италия), а житель области Фриули (северо-восток Италии), что далеко не то же самое. Во-вторых, глагол не стоит в форме 1 л. мн. ч. (такая трактовка «безличной» формы 3 л. мн. ч. в данном контексте представляется маловероятной), что тоже важно: речь идет не о сравнительно близкой дистанции между «тосканизированным венецианским» самого Барбаро и двумя другими диалектами, а о намного большем различии фриуланского и флорентийского диалектов между собой.

Неожиданно подробные социолингвистические сведения о крымской Готии сообщает географ Якоб Циглер (*Pro Germania*, 1523): «Даже и до сего дня в Херсонесе Таврическом многие тысячи отцов [семейств] при посторонних пользуются греческим или татарским языком, а дома – германским». Источник, из которого Циглер почерпнул эти данные, неизвестен, однако надо отметить, что позже похожая фраза о диглоссии крымских готов появляется и у историка Георга Торквата (*Annales Lipsiae et Quidlinburgi*, 1561–1574). Нельзя исключить наличие какого-то утерянного источника, общего для Циглера и Торквата. Циглера, а также других авторов тех лет, использовал в своей главе о германских языках и Геснер.

Ситуация резко изменилась, когда в 1589 г. были опубликованы «Турецкие письма» Ожье Гислена де Бусбека (фламандского гуманиста, исполнявшего функции императорского посла в Османской империи), в которых он рассказывает о своей встрече в Константинополе с двумя посланниками из Крыма, один из которых говорил по-готски в детстве, а другой, грек по рождению, выучил готский уже во взрослом возрасте. С их помощью Бусбек записывает несколько готских слов и выражений, пользуясь фонетической транскрипцией на базе голландской орфографии, что, по-видимому, сильно

¹⁶ Васильев ссылается на издание 1545 г., с. 18r, где читаем: «intendevansi assai ragionevolmente, così come si intenderiano un furlano, et un fiorentino». Однако, в издании 1543 г., с. 20v, представлен довольно малопонятный вариант «come si intenderia in furlano, con un fiorentino», т.е. «как был бы понятен [разговор] по-фриулански с флорентийцем».

снижает лингвистическую точность этих данных. С похвальным методологическим скептицизмом Бусбек ставит под сомнение готское происхождение этих слов и выдвигает гипотезу, что его собеседники были потомками саксов, якобы бежавших в Крым во времена Карла Великого. Действительно, из-за неточности фонетической транскрипции многие формы мало отличаются от своих нижненемецких коррелятов. Тем не менее, осторожность Бусбека можно признать излишней: отдельные фонологические черты крымско-готского глоссария не объяснимы ни одним из германских языков, кроме готского. Например, слово *ada* ‘яйцо’ реализует так называемый закон Хольцмана, т.е. переход герм. **-jj-* > гот. *-ddj-*, которым готский отличается от всех остальных германских языков.¹⁷

Список Бусбека на протяжении пяти веков оставался фактически единственным свидетельством готской письменности в Крыму. Однако совсем недавно А.Ю. Виноградов обнаружил пять крымско-готских граффити, датированных IX–X вв., на плитах из мангупской базилики, см. [Виноградов и Коробов 2015]. Это, можно сказать, сенсационное открытие стало окончательным и неопровержимым подтверждением бытования готского языка в средневековом Крыму.

4. Рецепция и идеология

4.1. Богословский аспект

Издание готской Библии следует рассматривать в свете того идеологического противостояния протестантского германоязычного севера католическому романскому югу, о котором было сказано выше. Так, в области богословия готская Библия послужила аргументом в пользу одной из главных идей протестантизма – что католицизм ушел от подлинного текста Священного Писания. Новые переводы Библии на народные языки должны были ознаменовать возвращение к истокам. Автор готского перевода Вульфилла виделся своего рода «протопротестантом», см. [McKeown 2005]. Состоявший в переписке с Юнием примас англиканской церкви Ирландии Джеймс Ашшер интерпретировал присутствие в готской Библии так называемой доксологии, т.е. формулы славословия «Ибо Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь» в конце молитвы «Отче наш» (Мф. 6:13), как доказательство особой связи протестантских переводов Библии с древнейшей германской традицией и с неискаженным евангельским текстом [см. Munkhammar 2010, 30]. Действительно, и английская Библия короля Иакова, и немецкая Библия Лютера содержали доксологию, в то время как в принятой католической церковью Вульгате она отсутствовала. Тем самым, готская Библия выступала как своего рода исторический прецедент: перевод на германский язык был равносителен возвращению

¹⁷ Другие лингвистические доводы собраны в [Ганина 2011, гл. 8].

к истокам христианства.¹⁸ Подобное мнение высказывалось и многими другими авторами – например, Сибрандом Люббертом и Марквардом Фреером уже во второй половине XVI в. [см. Dekker 1999, 39].

Почти сразу готская Библия становится и аргументом для «внутреннего пользования», т.е. для доказательства превосходства одних протестантских народов перед другими. Так, первое издание готской Библии Юнием датировано 1665 г., но уже в 1671 г., в Швеции, Георг Шернфельм делает второе издание. С текстологической точки зрения это издание не вносило никаких исправлений в текст, опубликованный Юнием, но было, тем не менее, специально профинансировано канцлером Делагарди, который, по-видимому, хотел, чтобы Швеция имела свою «национальную» готскую Библию. Юний был голландцем и для этих целей не подходил. Ученый и беллетрист, отец шведской поэзии, Шернфельм стоял, таким образом, и у истоков шведского готицизма. В своих сочинениях он пытался обосновать идею о готском как о самом древнем языке мира и прямом прародителе шведского. Кроме того, он утверждал, что звуки готского языка наиболее точно передают значения слов [Brantly 2006, 10]. Интересно, что эта теория – по сути вариант идеи фоносимболизма, который в тот же период был взят на вооружение Джоном Уоллисом применительно к английскому языку. Применительно к голландскому нечто подобное говорит и Беканус.

4.2. Мотив нижненемецко-готской языковой близости

Еще один мотив, который довольно стабильно прослеживается в восприятии готского языка, – это идея его сходства или даже взаимопонятности с нижненемецкими говорами, такими, как средневековый саксонский, голландский, фризский. Заявления такого рода повторяются почти у всех авторов, пишущих о готах или о готском языке. Приведем несколько примеров.

В предисловии к *De literis* (с. 5r) Вулканиус пишет: *Geticae [...] huius linguae [...] magna sit cum veteri Teutonica affinitas* ‘весьма близок сей гетский язык древне-тевтонскому’. Термин «гетский» он использует как полный синоним «готского», а под «тевтонским» он в данном контексте имеет в виду, похоже, не немецкий вообще, а именно нижненемецкий, поскольку называет его далее «нашим».¹⁹

Близость к саксонскому – постоянный атрибут и крымского готского. Историк Георг Торкват утверждает, что в Херсонесе имеется население, говорящее на германском языке *saxonum idiomati fere simili* ‘весьма близком сак-

¹⁸ На сегодняшний день библейская критика считает доксологию интерполяцией. Она удалена из большинства изданий Библии, в том числе и протестантских.

¹⁹ Впрочем, без определения «наш» термин «тевтонский» используется Вулканиусом и по отношению к древневерхненемецкому, например в названии главы *Specimen veteris linguae Teutonicae*; о непоследовательности глоттонимов у Вулканиуса см. [Hal 2010, 395].

сонскому наречию'. Бусбек тоже рассматривает именно саксонскую гипотезу как альтернативу готской. Сюда же можно отнести и слова Л. тен Кате, голландского филолога начала XVIII в., о том, что готский язык имеет больше общего с голландским, чем со скандинавскими языками.²⁰

Особая роль в этом лингвистическом мифе отводится фризскому языку, который традиционно считался более древним и обособленным, чем остальные германские говоры, см. [Metcalf 2013, 84]. О древности фризского говорят и Геснер (с. 39г), и Вулканиус, который специально уточняет (с. 5г), что из всех наречий Нидерландов он наиболее близок к готскому. Манускрипт, о котором пишет Сибранд Любберт, также якобы написан на «древнефризском», а Стефан Брельманн считает тот же язык близким к фризскому франконским (если допустить такую интерпретацию его термина *Francicus*).²¹

Мотив схожести с готским имеет, естественно, политическую подоплеку, и нижненемецкий язык не был единственным претендентом на эту роль: позже особое родство с готским приписывают своему языку и шведы. Тем не менее, если искать какое-то лингвистическое оправдание таким взглядам, то необходимо отметить, что нижненемецкие говоры, как и готский, не реализовали второе передвижение согласных, которое было очень ярким маркером верхненемецкого, в том числе и литературного. Носители континентальных германских языков имели вполне четкое представление об этой черте и всячески подчеркивали различие нижней и верхней диалектальных зон немецкого языкового континуума. Так, Геснер (с. 44г), цитирует гуманиста Себастьяна Мунстеруса, который вполне точно описывает второе передвижение согласных и заключает, что носители нижних и верхних немецких говоров *non facile intelligi possunt* 'понимают друг друга с трудом'. Различие тем сильнее утрировалось, чем более было очевидно единство этих двух подгрупп западногерманской общности. Например, Беканус (с. 749), обсуждая перевод готского *airpai* 'земле' (дат. п.), сопоставляет его с формами, характерными для обеих немецких диалектных зон: *nos Art, ert et erde et arde dicimus*, причем местоимение *nos* 'мы' объединяло всех континентальных германцев в одну общность.²² Таким образом, естественной реакцией на языковые формы без второ-

²⁰ Тот факт, что именно голландские гуманисты XVI века начали активные поиски готских рукописей, а затем стали первыми исследователями СА, можно объяснить тем, что, в отличие от английского, немецкого и шведского, литературный голландский язык не располагал своим собственным «древним» периодом, и эта роль отводилась готскому, см. [Dekker 1999, 39–41]. Так, Бусбек использует крымско-готские слова как довод в пользу большей архаичности какого-то фламандского варианта произношения, в противовес брабантскому, см. [Ганина 2011, 97].

²¹ Интересно также, что первый издатель СА Фрнациск Юниус, по праву считающийся отцом германской филологии, счел нужным провести два года во Фризии с целью изучения фризского языка, см. [Munkhammar 2010, 31].

²² Подборка высказываний немецких авторов XVI–XVII вв. на тему единства континентальных германских языков, несмотря на различия в диалектах, приведена в [Jones 1999, 18].

го передвижения согласных была ассоциация с саксонским, фризским и т. п.

4.3. Палеография и типографика

Известные нам готские рукописные памятники написаны особым готским алфавитом, создание которого приписывается тому же епископу Вульфиле, который, по традиции, считается автором перевода Библии на готский язык. По внешней форме готский алфавит явным образом восходит к греческому унциалу, причем некоторые графемы, возможно, были взяты из рунического и латинского алфавита. Так, готская буква **ᚠ** возможно происходит от рунической **ᚠ**, гот. **Q** от рун. **ᚾ**; гот. **h** от лат. *h*, гот. **F** от лат. *f*. По внутренней форме, т.е. по соотношению графем и фонем,²³ о греческом происхождении свидетельствует использование типичных для позднего греческого орфографических особенностей. Например, диграф <ei>, по модели греческого <ει>, читается как /i/ долгое; в диграфах <gg> и <gk> первый символ читается как носовой звук.²⁴ О чтении некоторых из графем готской орфографии, а именно диграфов <ai>, <au> и <iu>, нет общего мнения, см. [Marchand 1973]. Числовые значения букв также следуют греческой традиции, с добавлением двух специальных букв для чисел 90 и 900 (аналогично греческим буквам *κόπτα* и *σάμντι*, использовавшимся лишь в числовом значении).

Первых исследователей, имевших дело с СА, готский алфавит приводил в замешательство. Так, в вышеупомянутом косвенном свидетельстве Любберта утверждается, что таинственная рукопись написана некими «древними фризскими или саксонскими» буквами, «не сильно отличающимися от московитских и похожими на греческие». Впрочем, сам он оформляет приводимую в пример «древнефризскую», а на самом деле готскую, фразу обычным курсивом. Мегисер транслитерирует готский, равно, как и многие другие германские языки из своей компиляции, готическим шрифтом. Две публикации готских текстов – Вулканиус и Грутерус – были сделаны при помощи ксилографии, а не подвижных литер. Строки и отдельные буквы печатались целиком с деревянных матриц, а не при помощи типографского набора. Настоящий типографский шрифт для готского алфавита был отлит специально для издания Юния 1665 г. и сразу стал стандартным. Однако особый интерес представляет типографское решение Бекануса.

²³ О концепции внешней и внутренней формы систем письма см. [Фридрих 1979, 47].

²⁴ Данное правило греческой орфографии с античных времен служило своего рода маркером грамотности. Недаром оно присутствует почти во всех системах письма, восходящих к греческой: кроме готского алфавита, это правило реализуется в коптском и бактрийском, позже в глаголице и кириллице.

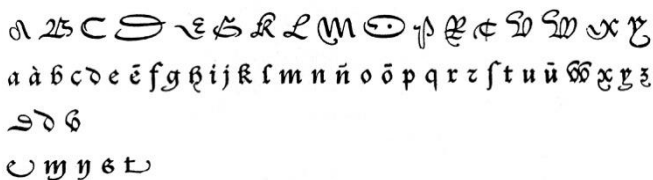

Фото 5. Образец голландского варианта шрифта «Сивилите», Амстердам, XVII в. [Carter и Vervliet 1966, 85, фиг. 55]

Беканус транслитерирует готский алфавит (а также слова на других древнегерманских языках) особым шрифтом, который, на первый взгляд, выглядит как нечто среднее между готическим шрифтом и курсивом. Был ли выбор шрифта случайным? По-видимому, нет: этот шрифт нес вполне определенную смысловую нагрузку. Если судить по внешнему виду (особенно по изысканной форме заглавных букв, ср. фото 2 и фото 5), это была разновидность знаменитого шрифта *Civilité*, разработанного великим пунсонистом XVI в. Робером Гранжоном²⁵. Гранжон, не без влияния так называемого галликанства (движения за независимость французской церкви от Рима), а также кальвинизма, поставил перед собой цель создать национальную систему письма для Франции. «Сивилите» не был новым алфавитом в нашем понимании. По графемному составу он полностью совпадал с латинским алфавитом, но по форме букв он резко отличался от антиквы, что делало его, в глазах современников, чем-то большим, нежели просто новым типографским шрифтом. «Сивилите» сразу стал пользоваться успехом, причем если в самой Франции он резко потерял популярность после Варфоломеевской ночи, то в Нидерландах он продолжал употребляться и стал символом протестантской культуры, см. [Carter, Vervliet 1966, 31–34].²⁶

Этот факт, на мой взгляд, хорошо объясняет утверждение Вулканиуса о том, что Беканус опубликовал свои готские отрывки *characteribus nostratibus hoc est Belgicis* ‘отечественным, то есть бельгийским, шрифтом’ (причем, термин *Belgicus* в ту эпоху понимался как ‘фламандский’). Вулканиусу было вполне очевидно, что выбор шрифта не случаен: это был не латинский алфавит, а именно «наши, отечественные буквы», противопоставляемые антикве,

²⁵ Выражается благодарность Илье Рудерману за помощь в идентификации шрифта.

²⁶ Такой же промежуточный статус шрифта/алфавита имелся и у современника «Сивилите» – «Гэльского» шрифта в Ирландии. Изначально это был графический вариант латинского унциала, созданный специально для первой ирландской печатной книги – букваря и учебника Закона Божия *Aibidil Gaoidheilge agus Caiticiosma*, который был издан в 1571 г. по попечительству уже упоминавшегося ирландского протестанта Джеймса Ашшера. Впоследствии он получил широкое распространение и использовался в качестве национального алфавита Ирландии вплоть до начала XX в.

которой был набран основной латинский текст книги.²⁷

Вряд ли могло быть иначе в эпоху, когда шрифты отождествлялись с определенными культурными пластами, пусть и не очень последовательно, а часто и безосновательно. Так, антиква ассоциировалась с латынью; готический шрифт – с Германией, и, в частности, с лютеранством (см. [Mieses 1919, 214 и сл.]); курсив – с итальянскими гуманистами и Италией, где он был изобретен знаменитым типографом Альдом Мануцием (отсюда англ. *italics* ‘курсив’). Вариант такой идентификации прослеживается, например, у Мегисера, который печатает все романские языки (включая также и латынь) курсивом, все германские готическим шрифтом, а для транскрипции других языков использует антикву (ср. шрифтовой контраст французского с немецким, фото 6). Интересно, что идея отождествления готического шрифта с немецкой национальной идеей – историческое недоразумение. «Готика», как в области письма, так и в архитектуре, была изначально французским изобретением времен противостояния капетингской Франции и Священной Римской Империи (XII в.) и, по мнению С. Морисона, имела явную антинемецкую коннотацию. Подлинно немецкими, для той эпохи, были скорее романская архитектура и каролингский минускул (см. [Morison 1972, 235 и сл.]).

Обыгрывание культурных коннотаций различных шрифтов и систем письма имело прецеденты не только в типографике, но и в живописи. Например, Ян ван Эйк ловко пользуется разницей в шрифтах на своих картинах, когда ему нужно обозначить различие прямой речи изображенных персонажей, изъясняющихся на латыни, и прямой голландской речи самого художника.²⁸

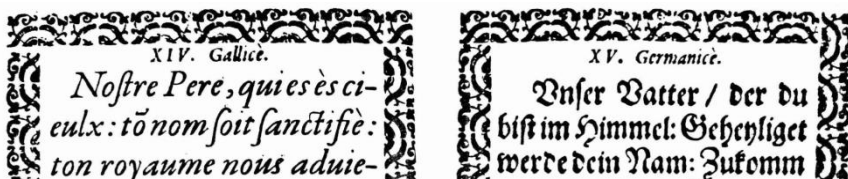

Фото 6. Шрифтовое противопоставление романских языков германским в компиляции Мегисера (1593); слева – «Отче наш» по-французски, справа – по-немецки.

²⁷ Современные историки готской типографики не обращали внимания на эту деталь и описывали шрифт Бекануса как просто готический: «Becanus [...] transliterated the ‘Lord’s Prayer’ into a black letter type with cursive features» [Fairbanks, Magoun 1940, 322]. Выражение *deutsche Buchstaben* ‘немецкие буквы’, встречающееся, например, у [Schulte 1879b, 320], не следует понимать в узконациональном смысле: в Германии вплоть до начала XX в. так назывался готический шрифт вообще.

²⁸ То есть разницу между «меня нарисовал такой-то» и «я нарисовал»; иногда особо выделяется и прямая речь самой картины как артефакта; см. об этом [Успенский 2013, 103].

5. Вместо заключения

Готский миф, в какую бы эпоху он ни проявлялся, был неизменно окружен идеологическим ореолом, в основном патриотического и даже националистического характера. Достаточно соотнести эпизоды всплеск интереса к готской теме с их историческим контекстом.

Сведения о готском алфавите в «рукописи Алкуина» приходятся на первые десятилетия каролингской империи, т.е. на так называемое Каролингское Возрождение, в «культурную программу» которого входило отождествление новой династии с великими германскими правителями прошлого, в том числе с самым знаменитым из них – остготским королем Теодорихом.²⁹ По реконструкции [Staats 2011], сам СА был перенесен Св. Людгером в Гельмштедтское аббатство в качестве дара по случаю коронации Карла Великого.

Обнаружение СА и всеобщее увлечение готицизмом совпадают с эпохой Реформации и религиозных войн, когда германские народы возобновляют борьбу за культурную и политическую независимость и «инаковость» в отношении как древнего, так и папского Рима.

Следующий пик научного интереса к германским языкам вообще, и к готскому в частности, приходится на период немецкого романтизма: именно тогда делаются первые по-настоящему научные издания готской Библии, систематизируются средневековые и более поздние свидетельства о готах и их языке, а также открывается и публикуется новый готский текст *Skeireins*.

Интерес к готам в начале XX века и во времена нацизма общеизвестен. Помимо безрезультатных поисков древней Готии в Крыму, проводившихся нацистскими оккультистами из общества *Ahnenerbe*, эта эпоха дала и основные сравнительные и описательные грамматики готского языка. При этом, постулировалась особая глубинная связь готского языка с немецким, доказать которую лингвистическими методами этим авторам, однако, не удалось (см. [Дубинин 2011]).

Интересно, что готицизм порождал и ответную реакцию, также не лишённую доли фанатизма. Так, историк Лео Винер целенаправленно занимался искоренением мифов, связанных с готским наследием. В частности, он оспаривал роль Вульфилы как переводчика Библии и изобретателя готского алфавита, а также раннюю датировку СА, см. [Wiener 1915]. При общей предвзятости, некоторые из его аргументов звучат довольно убедительно. Например, Винер подчеркивает, что историки-ариане, оставившие нам фактически прижизненные рассказы о епископе Вульфиле (т.е. Ауксенций и Филосторгий), ни разу не упоминают ни о переводе Библии, ни о создании алфавита. Эти

²⁹ Впрочем, отождествление с готами не мешало Карлу Великому и его кругу идентифицировать себя и с другими древними персонажами: Карла называли Давидом, Соломоном, Августом и Цезарем, Алкуин, его «министр культуры», был прозван Флакком, и т. д.

сведения приводятся только более поздними, уже не арианскими, авторами. При этом в тот момент, когда арианская вера терпела поражение и нуждалась в максимальной защите, опускать такие важные подробности жития было бы крайне странным ходом. Напрашивается вывод, что перевод Библии был сделан кем-то другим.

Если вопрос авторства перевода остается неразрешенным до сих пор, то датировка СА была подтверждена радиоуглеродным анализом рукописи, проведенным в 1998 г. Анализ указал на вторую половину VI в. как на вероятную дату написания СА, см. [Falluomini 2015, 27, с отсылкой к Possnert и Munkhammar 1999–2000].

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Giosafat Barbaro. *Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli*. – Venezia: Aldo Manuzio, 1545 (первое издание 1543).

Johannes Goropius Becanus. *Origines Antwerpianae*. – Antwerpen: Plantin, 1569.

Ogier Ghiselin de Busbecq. *Legationis Turcicae epistolae quatuor*. – Paris: Plantin, 1586.

Conradus Gesnerus. *Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto Orbe Terrarum in usu sunt*. – Zürich: Froschoverus, 1555.

Ianus Gruterus. *Inscriptiones antiquae totius orbis romani*. – Heidelberg: Commelin, 1602.

Franciscus Junius. *Quatuor D. N. Iesu Christi Evangeliorum Versiones perantiquae duae, Gothica scil. & Anglo-Saxonica*. – Dordrecht, 1665.

Lambert ten Kate. *Aenleiding tot de Kennisse van het verhevene deel der Nederduitsche Sprake*. – Amsterdam, 1723.

Sibrandus Lubbertus. *De principiis Christianorum dogmatum libri septem*. – Franeker: Academia Frankerana, 1591.

Hieronymus Megiserus. *Specimen quadraginta diversarum atque inter se differentium linguarum et dialectorum*. – Frankfurt am Main: J. Spieß, 1593.

Hieronymus Megiserus. *Specimen quinquaginta diversarum atque inter se differentium linguarum et dialectorum*. – Frankfurt am Main: I. Brathering, 1603.

Aegidius Tschudi. *Historisch-topographische Beschreibung von der Gallia Comata und den benachbarten Land- und Völkerschaften*. – Helmstedt: Kühnlin, 1778.

Bonaventura Vulcanius. *De literis et lingua Getarum sive Gothorum*. – Leiden: Plantin, 1597.

Jakob Ziegler. *Adversus Iacobi Stunicae maledicentiam pro Germania*. – Basilea: Froben, 1523.

Исследования

Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из мангупской базилики // Средние века. – 2015. – Т. 76, 3–4. – С. 57–75.

Ганина Н. А. Крымско-готский язык. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011.

Дубинин С. И. Гото-древневерхненемецкие этноязыковые контакты и изоглоссы // *Lingua gotica*: новые исследования. Вып. 2. – Москва, Калуга: Эйдос, 2011.

Успенский Б. А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. – 2-е изд. – Москва: РИП-Холдинг, 2013.

Фридрих И. История письма. – Москва: Наука, 1979.

Brantly S. C. Ut Pictura Poesis: Word and Image in Georg Stiernhielm's *Hercules* // *Tijdschrift voor Skandinavistiek*. – 2006. – Vol. 27, no. 2. – Pp. 9–26.

Brough S. The Goths and the concept of Gothic in Germany from 1500 to 1750: culture, language, and architecture. – Frankfurt am Main: Lang, 1985.

Carter H. G., Vervliet H. D. L. *Civilité* types. – Oxford: Oxford University Press, 1966.

Cram D. John Wallis on sound symbolism // *History of Sound-Symbolic Theories* / ed. by L. Nobile. – Benjamins, в печати.

Dekker K. The Origins of Old Germanic Studies in the Low Countries. – Leiden: Brill, 1999.

Dekker K. The Runes in Bonaventura Vulcanius *De Literis & Lingua Getarum Sive Gothorum* (1597): Provenance and Origins // *Bonaventura Vulcanius, Works and Networks*. Bruges 1538 – Leiden 1614 / ed. by H. Cazes. – Leiden: Brill, 2010. – Pp. 387–402.

Diemer D. Zur Verwahrungsgeschichte des *Codex Argenteus Upsaliensis* im 16. Jahrhundert: Johann Wilhelm von Laubenberg zu Wagegg // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. – 2010. – Т. 139, No 1. – С. 1–25.

Donaldson B. Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium. – Leiden: Uitgeverij Martinus Nijhoff, 1983.

Elert C.-C. Andreas Kempe (1622–89) and the Languages Spoken in Paradise // *Historiographia Linguistica*. – 1978. – Vol. 5, no. 3. – Pp. 221–226.

Falluomini C. Zur Schrift der Gotica Vindobonensia // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. – 2010. – Т. 139, No 1. – С. 26–35.

Falluomini C. Zum gotischen Fragment aus Bologna // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. – 2014. – Т. 143. – С. 281–305.

Falluomini C. The Gothic Version of the Gospels and Pauline Epistles. – Berlin: De Gruyter, 2015.

Fairbanks, S., Magoun, F. P., Jr. On Writing and Printing Gothic // *Speculum*. – 1940. – Т. 15, No 3. – С. 313–330.

Friesen, O. V., Grape, A. Om Codex Argenteus. Dess tid, hem och öden. – Uppsala; Svenska Litteratursällskapet, 1928.

Hal T. v. Vulcanius and his Network of Language Lovers. *De literis et lingua*

Getarum sive Gothorum (1597) // Bonaventura Vulcanius, Works and Networks. Bruges, 1538 – Leiden, 1614 / ed. by H. Cazes. – Leiden: Brill, 2010. – Pp. 387–402.

Heuser P. A. Zur Geschichte des Codex Argenteus im 16. Jahrhundert: Adenda // Rheinische Vierteljahrsblätter. – 2005. – T. 69. – C. 133–152.

Jańczuk L. Historia wydań gockiej Biblii // Rocznik Teologiczny. – 2015. – T. 57, No 2. – C. 123–135.

Jones W. J. Images of Language: Six Essays on German Attitudes to European Languages from 1500 to 1800. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999.

Jonge H. J. de J. J. Scaligers Nachrichten über den Codex Argenteus in Heidelberg // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – 1977. – T. 39. – C. 285–294.

Marchand J. W. The sounds and phonemes of Wulfila's Gothic. – The Hague: De Gruyter, 1973.

Maßmann H. F. Gotthica minora // Zeitschrift für deutsches Altertum und Literatur. – 1841. – Vol. 1. – Pp. 294–393.

McKeown S. Recovering the *Codex Argenteus*. Magnus Gabriel de la Gardie, David Klöcker Ehrenstrahl and Wulfila's Gothic Bible // Lychnos. – 2005. – Pp. 9–28.

Metcalf G. J. On Language Diversity and Relationship from Bibliander to Adelung. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2013.

Mieses M. Die Gesetze der Schriftgeschichte. Konfession und Schrift im Leben der Völker. – Wien, Leipzig: Braunmüller, 1919.

Morison, S. Politics and script: aspect of authority and freedom in the development of Graeco-Latin script from the sixth century B.C. to the twentieth century A.D. – Oxford: Clarendon press, 1972.

Munkhammar L. Codex Argenteus and its printed editions. – Uppsala: Uppsala universitetsbibliotek, 2010.

Neville K. Gothicism and Early Modern Historical Ethnography // Journal of the History of Ideas. – 2009. – Vol. 70, no. 2. – Pp. 213–234.

Possnert G., Munkhammar L. Silverbibelns ålder och bindningshistoria i ljuset av C14-analys // Annales Academiae Regiae Scientiarum. Kungliga Vetenskapssamhällets i Uppsala Årsbok. – 2000. – T. 33. – C. 53–65.

Scardigli P. Lingua e storia dei goti. – Firenze: Sansoni, 1964.

Schulte J. W. Gotthica minora. Erster Artikel // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – 1879a. – T. 23. – C. 51–64.

Schulte J. W. Gotthica minora. Zweiter Artikel // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – 1879b. – T. 23. – C. 318–336.

Schulte J. W. Gotthica Minora. Dritter Artikel // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – 1880. – T. 24. – C. 324–355.

Sonderegger S. Niederländisch-schweizerische Berührungen um die Anfänge einer germanischen Philologie im 16. Jahrhundert // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. – 2014. – T. 71. – C. 5–20.

Staats R. Der Codex Argenteus und Philipp Melanchthon in Helmstedt // Daphnis. – 2011. – T. 40, 3–4. – С. 377–410.

Svennung J. G. A. Zur Geschichte des Goticismus. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. – Cambridge (MA): The Mediaeval Academy of America, 1936.

Wiener L. Introduction. II. The Gothic Bible // Commentary to the Germanic Laws and Mediaeval Documents. – Harvard: Harvard University Press, 1915. – Pp. xxxiii–lxi.

Wolfram H. Die Goten: Von den Anfängen bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts: Entwurf einer historischen Ethnographie. – 3-е изд. – München: Beck, 1990.